

Кооперативная модель управления в контексте метамодерна

Д. Д. Хохлова

Санкт-Петербургский государственный университет

dashanty@rambler.ru

Аннотация

В статье исследован генезис кооперативной модели управления в XX–XXI вв., а также рассмотрены модели, возникшие непосредственно в новую эпоху метамодерна.

Метамодерн находится в процессе форматирования политики, смещая ее центр с абсолютной власти к феномену влияния и кооперации. Политическая практика кооперативизма в настоящее время зарождается из форм ненасильственного протеста, а также общественных политических экспериментов, каким стал, например, выбор Йона Гнарра мэром Рейкьявика в 2010–2014 гг. В статье подробно рассмотрены исландские либертарианские эксперименты как беспрецедентный по масштабности и политическому уровню опыт кооперативного управления.

В результате сделаны выводы об условиях, необходимых для успешной реализации кооперативизма, а также о том, насколько труднодостижимой является эта концепция на практике.

Ключевые слова: метамодернизм; кооперативное управление; прямая демократия; постанархизм.

1. Введение

В 2016 году словом года по версии Оксфордского словаря стала пост-истина, что означает отсутствие абсолюта, единой правды, на их место приходит множественность интерпретаций и всеобщая относительность. В политике это знаменует вступление в новое пространство кооперации, влияния и популизма как ведущих политических инструментов. Теория и практика кооперативного управления получили новый вектор развития в XXI в.

Причиной тому, вероятно, стало усиление централизованной политики. Существующий политический властный дискурс сузил политическое пространство до электорального процесса, да и роль парламента, по мнению Ноама Хомского, ослабевает со времен окончания Второй мировой войны [1], Йозеф Шумпетер отмечает, что голоса избирателей вторичны по отношению к

лицам, принимающих решения [2], а Ги Дебор утверждает, что общество всего лишь отрабатывает навязанный властью сценарий [3]. Так зарождается кооперативное управление — как альтернатива абсолютной политической власти.

Пост-истину можно назвать символом эпохи метамодерна, чье название образовано от платоновского *metaxu*, что означает промежуточность. Метамодерн, в свою очередь, это более складное имя пост-постмодерна, который включает в себя феномен пост-истины, постанархизма, пост-политики. Их объединяет стремление демистифицировать абсолютную власть (через изменение дискурса в том числе) и «общество спектакля», отделив политику от мировоззрения, провозгласив главными политическими ценностями автономию, добровольную кооперацию, взаимопомощь, самоорганизацию и прямую демократию.

Целью этой работы является поиск доказательств, что кооперативное управление имеет крепкую актуальную теоретическую базу и успешные прецеденты своего воплощения, приводя в качестве примера политический опыт Исландии.

2. Теоретические основания концепции

Смысловым ядром кооперативной модели политического управления является минимальное государство. Идея, что государство можно рассматривать в качестве «ночного сторожа» (*laissez-faire*), «оседлого бандита» (Мансур Олсон и Мартин Макгир) привела к концепции, согласно которой его полномочия сводились к минимальным и ультраминимальным (Герберт Спенсер, Милтон и Дэвид Фридман, Роберт Нозик), а управление ресурсами становилось общим (Дуглас Норт, Элинор Остром). Кооперативизм во многом построен на идеях теории рационального выбора, либертарианства (минархизма в частности) и анархизма (в большей степени анархо-капитализма и постанархизма). Кооперативное управление более распространено в менеджменте, поскольку, во-первых, оно эффективнее в малых и однородных сообществах (что было доказано еще в рамках теории рационального выбора, и будет многократно доказано впоследствии на практике), во-вторых, редкое государство готово отойти от классической концепции абсолютной власти, даже демократическое.

Эрих Фромм в работе «Анатомия человеческой деструктивности» 1974 г. в поисках гармоничной для личности общественной структуры, по сути, пришел к анархии. Ссылаясь на исследование Кейнси Райта («A study of war», 1965), он критиковал классовую структуру общества: самыми деструктивными являются социальные системы с наличествующим классовым делением [4]. Вообще жесткость границ, их внешнее установление (не обществом) в психологическом разрезе становится одной из самых серьезных проблем современного общества и его способности к кооперации. Первобытные общества имели меньшую склонность к внутриобщинной агрессии, поэтому неспособность договориться — это издержки цивилизационного развития, численного увеличения общества, сужения личных границ и расширения границ абсолютной власти. Закономерно, что одновременно с усилением государственного дискурса формировался

либеральный индивид (в терминологии Ларса Свендсена) — человек, желающий максимально широкого диапазона для самореализации, ограничивающий свой автономный выбор лишь таким образом, чтобы не навредить другому. Это обусловлено тем, что либеральный индивид помимо потребности в автономности, нуждается также в ощущении безусловной принадлежности [5], и в этом нет противоречия, поскольку общество не способно ответить либеральному человеку на вопрос, как ему жить. Синтез автономизма и добровольной кооперации становится подходящим контекстом для жизни современного человека.

Теоретический подход в политологии к кооперативному управлению условно можно разделить на две группы: первая отстаивает консенсус как принцип кооперации, вторая — плюрализм. Слабость консенсусного подхода состоит в парадоксальности результатов, к которым приводит его реализация. Если сообщество, в котором применяется кооперативное управление на основе консенсуса, конфликтно, то принятие решения станет результатом подавления мнения меньшинства. То есть, консенсус является оптимальной стратегией в принятии решений только в случае однородности сообщества. Если же сообщество конфликтно и разномастно, то эффективнее стратегия плюрализма, которую можно отнести к движению постанархизма. Таким образом, кооперативная модель выходит из двух антагонистических подходов: делиберативной демократии (Юрген Хабермас, Джозеф М. Бассет, Джеймс Фишкин, Джошуа Коэн, Эми Гутманн, Деннис Ф. Томпсон и др.) и диссенсуальной модели взаимодействия (Джеймс Бьюкенен, Джейн Мэнсбридж, Бенджамин Барбер, Шанталь Муфф, Эрнесто Лакло).

Шанталь Муфф и Эрнесто Лакло в переиздании «Гегемонии и социалистической стратегии» (2000) развивают идею «радикальной и плюралистической демократии» [6]: поскольку либеральные ценности, провозглашаемые в демократических государствах до сих пор, имеют все меньше практического значения из-за усиления политической власти государства, по мнению Муфф и Лакло стоит демократизировать демократию. Основная проблема дискредитированной демократии заключается в вымещении из нее конфликта. Идея всеобщего консенсуса и его безальтернативности во имя «счастливой жизни» поставила обществу жесткие, нереалистичные и, по сути, глубоко недемократические рамки. Предположительно, необходимость всегда соглашаться с ведущим мнением и не вступать во внутренние конфликты стала причиной политической импотенции общества и демократии как таковой (в этой точке раскрывается антагонизм диссенсуальной модели с делиберативной).

3. Современные модели кооперативного управления

В XXI в. идея кооперативизма воплотилась в нескольких моделях: *horizontalidad*, *parecon*, *parpolity*, *partisipism*. Модели тесно взаимосвязаны между собой и основаны на общих принципах.

Horizontalidad как термин возник из посткризисных протестов в Аргентине в 2001 г. и лондонского антиглобалистского движения в 2004 г. По сути, это вербально оформленная практика ненасильственного протеста, рожденная именно в кооперативном действии, без опоры на классические теоретические выкладки.

Horizontalidad представляет собой общественную политическую деидеологизированную практику кооперативного управления, лишённую вертикалей управления и основанную на личной автономии и общинном принятии решений. Horizontalidad подразумевает решение вопросов путем общественного обсуждения, а не обращения в государственные институты. Таким образом, государство не участвует в формировании общественного мнения, но является исполнителем решений, принятых путем прямой демократии [7]. Horizontalidad можно назвать политикой без политики в ее классическом понимании, это подлинно постанархистская общественная практика.

Одним из главных выводов практики horizontalidad стала ее органичность для кооперации и простота реализации: этот пример показывает, что постанархистские принципы работают, и «сильная рука» не является необходимой издержкой для управления сообществом. То есть, анархия действительно может быть матерью порядка.

Participism — это «освободительная теория» (liberating theory), систематизирующая метамодернистские политические кооперативные практики в единую модель, состоящую из rageson (экономики участия), rapolity (политики участия) и феминизма, отвечающего за политику семьи. В центре participism стоит автономная личность, для которой институциональные ограничения становятся посредниками в реализации собственных потребностей.

Rapolity создана Стивеном Р. Шаломом на основе пяти постанархистских принципов: свободы, самоуправления, справедливости, солидарности, толерантности. Целью rapolity является создание политической системы, в которой каждый человек путем прямой демократии участвует в принятии решений в той степени, в которой зависит от них [8]. Происходит это путем создания интегрированных советов (nested counsils), состоящих из взрослых членов общества. В советах есть уровни по пятьдесят человек каждый, что позволяет задействовать в принятии решений сотен тысяч человек. Совет не заменяет все государственные институты, однако становится альтернативным парламентом в государстве, заменяет старую парламентскую форму с делегированной чиновникам властью. Уровни совета имеют возможность вступать в полемику друг с другом с помощью референдума, а так же предполагается институт Суда, состоящий из сорока одного случайным образом выбранного человека, имеющий право вето. Рандомность судей и их смена каждые два года обусловлены тем, что Суд в rapolity призван предотвращать возможность тирании большинства в Совете, и Суд руководствуется законами о правах человека. Решения в рамках данной системы принимаются на основе консенсуса, в противном случае на основе большинства голосов.

Критика rapolity в основном сосредоточена на глобальном противоречии модели с принципами постанархизма. Rapolity создает властную иерархию и представительную демократию, так и не следуя принципу правового обычая. Это действительно большой парадокс: разница между декларацией намерений и способом их воплощения соответствует духу макиавеллизма, где цель оправдывает средства, и это имеет крайне мало общего с постанархизмом, либертарианством и кооперативизмом.

Rageson — экономическая модель, в основе которой лежат принципы партисипативной экономики, авторами модели являются политолог Майкл

Альберт и экономист Робин Ханел. Рагесон основана на кооперативном принятии решений по вопросам производства, потребления и распределения ресурсов. Модель подразумевает справедливую (кооперативную) оценку труда, вознаграждение за который должно быть соразмерно затраченным в его процессе силам, одновременно с этим трудовые обязательства подразумевает сбалансировать, а частную собственность на производственные активы искоренить [9]. Экспертная оценка заменяется в рагесон неким подобием профсоюза, когда рабочее самоуправление рождается из наиболее вовлеченных в конкретный вопрос специалистов, степень влияния человека на принятие решения также обусловлена его причастностью к проблеме.

Таким образом, рагесон совмещает в себе постанархистские ценности (справедливость, солидарность, плюрализм, самоуправление, бесклассовость, экологичность и эффективность, не преваляющая над остальными ценностями) и концепцию управления общими ресурсами другого ученого, успешно совместившего политологию и экономику, нобелевского лауреата по экономике Элинора Остром.

Критика рагесон исходит из левого же крыла. Ноам Хомский утверждает, что модель мало чем отличается от капитализма, рассматривая труд как бремя, а система вознаграждения и вовсе является унижительной [10]. Дэвид Швайкарт перечисляет четыре ключевые слабости модели: балансировка труда работает только в малых группах, уравнение оплаты труда снижает мотивацию работников, внутренняя оценка сообществом приложенных друг другом усилий может быть необъективной, самомониторинг может трансформироваться в тоталитаризм или же наоборот анархизм, а исключение рынка из экономического планирования делает модель утопичной [11]. Также распространена реплика о том, что справедливое вознаграждение труда не избавит людей от желания как можно меньше работать, и тогда это не имеет смысла.

Основная проблема теоретических моделей кооперативного управления заключается в их умозрительности, порождающей противоречия и излишне путанные, надуманные правила кооперативной игры. Не смотря на это локальные практики и наименее масштабные концепции вроде *horizontalidad* успешно реализуются, а платформа *The Next System* в настоящее время собирает поправки и мнения на счет существующих моделей, кооперативно артикулируя новые политические формы.

4. Исландский опыт кооперативного управления

4.1. Средневековый либертаризм

Возможно, самым заметным примером воплощенного в реальной политике кооперативизма является Исландия. Можно выделить два крупнейших прецедента: более чем трехвековая «эпоха народовластия» (930–1262 гг.) и правление Йона Гнарра и его «Лучшей партии» в Рейкьявике (2010–2014 гг.).

Первыми поселенцами Исландии были беженцы из Норвегии, бежавшие от короля Харальда I и сопутствующей ему политики классового разделения. Беженцы не были антигосударственниками, классическими анархистами, скорее

наоборот: они хотели признания прав человека вне зависимости от его социальной стигматизации. Во многих источниках указывается, что это намерение привело исландцев через девять веков к созданию исландской республики в 1944 г.

В 930 г. территория, занятая беженцами, стала называться Свободным исландским государством, чья система управления определялась в основном письменными законами и «Книгой исландцев». «Саги об исландцах» были созданы на западе и востоке страны, где родовой строй был наиболее крепок, а, значит, и принципы естественного права, которое является основой постанархизма и кооперативного управления. Джаред Даймонд в «Living on the Moon» пишет: «Средневековая Исландия не была бюрократической: ни налогов, ни полиции, ни армии. Классические правительственные институты в Исландии отсутствовали или были приватизированы, включая пожарную службу, уголовное преследование, заботу о бедных», а Адам фон Бремени описывал Исландию, как «страну, не имеющую царя, кроме закона» [12]. Дэвид Фридмэн считает, что Свободное исландское государство «могло бы быть изобретено безумным экономистом, чтобы проверить, насколько рыночные системы способны вытеснить правительство в его наиболее фундаментальных функциях» [13].

Тогда же, в 930 г. был создан исландский парламент — Альтинг, — один из старейших в мире (создан в 45 км к востоку от Рейкьявика — нынешней столицы). Парламент собирался раз в два года на две недели летом и не имел бюджета, только сборы за «предоставляемые услуги». Не имея институтов исполнительной власти и лидера (короля), Исландия делилась на годорды (сообщества, а не территории), возглавляемые годи, совмещавших функции политика, юриста и полицейского. Люди могли менять годорды по своему усмотрению. А годи могли продать свой статус, передать или одолжить его, поэтому статус как таковой не был гарантией власти, если годи не был способен убедить граждан следовать за ним (недовольные граждане всегда могли сменить годорд, а, значит, и годи). Биргир Солвасон отмечает, что превалирование «виртуальной» юрисдикции над физической (отсутствие зависимости от территорий), а также конкурентная политика вместо монопольной — это одна из сильнейших черт Свободного исландского государства, поскольку это исключало злоупотребление властью. Политика в принципе не мыслилась в категориях абсолютной власти, она не была сакрализована и при этом была эффективна. Также стоит подчеркнуть, что дифференциация в Исландии по полу или социальному статусу была сравнительно невелика, что делало граждан Свободного исландского государства свободными по средневековым меркам как минимум (весной 2017 г. схожий принцип вернулся в законодательство современной Исландии) [14].

Несмотря на правовой характер исландского государства, за исполнение законов граждане были ответственны перед самими собой. Фридмэн отмечает, что средневековая исландская правовая система остается беспрецедентной по соотношению личного права и ее эффективности [15]: все прочие системы включают синтез частного и государственного принуждения, а исландская развивалась без централизованной власти, относя любое правонарушение в плоскость личной ответственности, и ставя перед правонарушителем только

одно условие — выплатить штраф. В исландскую «лично-автономную» правовую систему интегрировались все новые институты, например, церковь. В 1000 г. посредством переговоров на Альтинге было принято христианство, причем религиозный институт был адаптирован к существующей правовой системе.

Солвасон также утверждает, что исландское общество было гораздо больше склонно к сотрудничеству, нежели его современники, например, в Англии и Норвегии [16]. Фридмэн и вовсе сравнивает средневековую Исландию с современной Америкой, допуская, что среднее число убитых ежегодно на душу населения в «эпоху народовластия» приблизительно равно текущей статистике в США [17]. В таком случае, что привело к упадку государства?

Считается, что кооперативная модель управления работает только в маленьких государствах, а Исландия росла и развивалась, рост экономики стал причиной возникновения классовой структуры общества и кооперативизм стал невозможен. Есть предположение, что успех кооперативной модели в Исландии в наименьшей степени обусловлен политической волей общества, но бедностью, суровым климатом и его малой величиной [18].

Тем не менее, в истории остался опыт анархистского государства, успешно просуществовавшего в течении более трехсот лет, и это можно считать политическим успехом. Его опыт можно переосмыслить в масштабе других соразмерных ему государств в контексте настоящего времени, с учетом следующих выводов:

- кооперация распространяется в формате небольших групп, нежели целого общества;
- для распространения кооперации во всем обществе необходимо сотрудничество всего двух групп или нескольких участников этих групп, тогда произойдет волна вторичной кооперации;
- доверие достигается между участниками группы любой величины, солидарность – только малой [16];
- кооперативное управление без централизованной власти, четкого территориального закрепления, несоизмеримого относительно друг друга классового разделения, жесткой системы наказания и насилия как инструмента дисциплины позволяет создать эффективное, устойчиво развивающееся государство.

Однако, разумеется, эти аспекты крайней редко (ближе к «никогда») встречаются вместе в политической действительности с учетом уже упомянутого цивилизационного развития.

4.2. Анархизм в Рейкьявике

Одна из главных удач современной Исландии и кооперативной теории — это комик-анархист Йон Гнарр, ставший мэром столицы на четыре года. С его помощью Исландия первой разрушила «общество спектакля» путем перформансов, шуток и откровенного политического абсурда (заменившего традиционный латентный). Джон Рентул утверждает, что изучение феномена Гнарра может наглядно продемонстрировать, в чем именно проблема

современных демократий [19]. Кстати, сам Гнарр называл свое партию антидемократичной [20].

В 2008 г. Исландия пережила беспрецедентный в мире экономический крах [22]. Поэтому желание общества реформировать рухнувшую систему было достаточно большим, чтобы пойти на политический риск и выбрать на позицию второго в государстве человека довольно нетипичного для этой роли Гнарра.

«Лучшая партия» была создана в 2009 г., как продолжение успешного телешоу о политике-популисте: «Зачем голосовать за вторую или третью партию, когда вы можете получить лучшую?» — гласил партийный лозунг. Единственным человеком в партии, имеющим отношение к политике, была только что закончившая университет политолог Хайда Хельгадоттир, сам же Гнарр говорил, что испытывает отвращение к политике. Их ключевым предвыборным обещанием стало обещание нарушить каждое свое обещание [22].

По результатам первых опросов «Лучшая партия» заработала 0,7 % голосов, что получило ироничный отклик от других партий. Согласно следующим опросам «Лучшая партия» заработала 10 %, чем вызвала уже гневную реакцию у политических оппонентов. Третий опрос зафиксировал 20 % голосов и широкое одобрение со стороны общества. Этот рост партия заработала исключительно за счет исполнения анекдотов с трибуны, однако после предвыборного ролика на песню Тины Тернер «Simply the Best» за две недели до выборов партия получила 38 % голосов. А потом выиграла на выборах. Примечательно, что эти же 38 % были у «Лучшей партии» и в конце их срока.

Гнарр не считал власть своей целью. Партия и должность мэра, задуманные в качестве шутки, переросли замысел создателя, став политической реальностью. Со временем партия стала ставить серьезные цели, главной из которых было создание нового мира, противоположного существующему.

«Лучшая партия», не желая переизбираться на второй срок, позволила себе ряд смелых и важных решений: сокращение государственных служащих; реформирование убыточного (более 2 млрд. долларов) концерна Reykjavik Energy путем увольнения генерального директора и совета директоров, пригласив на их место специалистов по энергетике; реструктурирование финансов; вложения в экологическое развитие; запрет силам НАТО на любое использование территории и ресурсов Исландии; создание плана зонирования городской среды для улучшения ситуации с общественным транспортом, велотранспортом, парковками и зонами отдыха, обеспечение возможности безвозмездной аренды земли в центре Рейкьявика для проектов горожан, безопасные улицы, создание сайта общественных инициатив улучшения городской среды (betrireykjavik.is); объединение школ для сокращения расходов; изменение политической культуры самой исполнительной власти от популизма к искренности.

Главным итогом правления «Лучшей партии» по мнению Гнарра стало доказательство того, что менять окружающий мир может любой. То есть, политика — не сакральная сфера избранных людей, а дело каждого. Чтобы не быть обманутым и иметь возможность принимать решения, демократии недостаточно, нужно быть анархистом.

Четыре анархо-сюрреалистичных года в Рейкьвике не только подняли до беспрецедентного уровня туризм, очень помогли экономике и изменили общественно-политическую культуру Исландии, но и привели к нескольким любопытным последствиям в политике страны.

Во-первых, появилась анархическая коалиция в Альтинге (партия «Светлое будущее», «Пиратская партия», «Левое Зеленое движение» и «Социал-демократический альянс»). Две партии по следам Гнарра произвели небольшой фурор в парламенте, получив в общей сумме 21,64 % мест.

Во-вторых, была создана народная Конституция Исландии, принятая на референдуме в 2012 г. и апробированная Венецианской комиссией. Исландскому обществу осталось найти общий язык с парламентом в этом вопросе, на что есть все шансы: в Альтинге 2016 г. вторая по величине коалиция (левая) целиком поддерживает новую Конституцию.

В-третьих, прошли общественные протесты в 2016 г. Выборы 2016 г. стали досрочными из-за раскрытия Панамских документов, из которых стало известно об офшоре супруги премьер-министра Давида Сигмундора, ранее принадлежавшего ему самому. Общественный протест направлен на политическую циничность премьера: он пришел к власти на посткризисной волне честной политики, выступая за справедливость и безопасность от иностранных кредиторов, а сам пользовался этими схемами.

Собственно, недоверие правительству в создании Конституции, протестное движение 2016 г., как реакция на Панамский архив, уверенное присутствие «Пиратской партии» в Альтинге, показало, что общество готово продолжать рисковать, беря ответственность за политику на себя. Исследуя исландскую историю преодоления кризиса 2008 г., Пол Кругман подытожил: «На данный момент давайте просто признаем, что иногда инакомыслие работает намного лучше, чем самые проверенные способы» [23]. Всегда есть альтернативы, и наименее очевидные альтернативы могут быть наиболее предпочтительными. На место консервативности и стабильности как лейтмотива государственной политики, возможно, приходит эксперимент как отправная точка политических решений.

Важно сделать следующую ремарку. Кооперативное управление в Исландии отличается от многих других стран психологическая специфика общества. Высокий уровень доверия, присущий скандинавским странам [24], делает возможным создание государства всеобщего благосостояния, формат которого в некоторых аспектах тождественен кооперативной модели (коллективная ответственность, индивидуализм, концепция социального государства и др.). Во многом это обусловлено гомогенностью общества и его величиной. Согласно данным за 2016 год население Исландии составляет 335878 человек, среди которых потомками норвежцев и кельтов являются 94 % [25]. Ларс Свендсен отмечает, что видение человеком окружающих непохожими на него (другими) склоняет его к антисоциальному поведению, поэтому гомогенность и величина общества сильно влияет на возможность создания кооперативной модели управления, которая целиком связана с желанием людей сотрудничать и брать на себя ответственность. Ощущение собственной инаковости в обществе порождает чувство одиночества, которое, в свою очередь, провоцирует чувство угрозы у одинокого человека по отношению к его социальному окружению [4].

Если исходить из психологической трактовки кооперативного управления, то меньше всего шансов у этой модели в Словении, Венгрии, России, на Кипре, в Италии, Украине, Польше, Косово, Словакии, Португалии, Албании, Чехии и Болгарии [23] — и это только в пределах Европы. С одной стороны, измерение доверия — это крайне сомнительная по достоверности процедура, с другой, эти данные поверхностно отражают состояние общества, имеет смысл учитывать и их.

5. Выводы

На основе проведенного исследования, можно заключить, что кооперативное управление является концепцией с глубокой теоретической проработкой, отвечающей вызовам метамодерна, а также имеющей успешные прецеденты практической реализации. Получив анархистский вектор развития еще в начале XX в. в работе Джеймса Бьюкенена, концепция прошла через антагонизм делиберативной и диссенсуальной моделей, переродившись в XXI в. в постанархистскую прикладную модель общественного взаимодействия.

Пример Исландии (страны с богатым опытом либертарианских экспериментов) показал, что постанархистские принципы общественного порядка могут стать основой стабильности и эффективности государства (триста лет «эпохи народовластия»), а также имеют терапевтический эффект после глубоких кризисов (Йон Гнарр и «Лучшая партия»).

Единственный недостаток этой концепции состоит в ее редкой достижимости. Для того, чтобы кооперативизм в масштабных политических системах был возможен, необходимо удовлетворить одновременно несколько условий: иметь высокий уровень межличностного доверия в обществе; внешние власти принимают и не нарушают установленные обществом правила; создать такие правила, которые будут соответствовать реальным потребностям и условиям граждан; каждый человек, попадающий под действие правил, может участвовать в их изменении; применение четко фиксированных санкций по отношению к нарушителям правил; разработанный мониторинг поведения членов сообщества осуществляется самим сообществом; ответственность за управление общими ресурсами несут все члены и подсистемы сообщества, и все сообщество целиком [29]. Согласно исследованиям, исходя уже из первого пункта условий возможности кооперативного управления лишаются большинство государств мира. Однако, понимая диалектичность сложных систем, всегда есть шанс на изменения.

Литература

- [1] Хомский Н. Государство будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 55, 67-68.
- [2] Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York: Harper & Row, 1950. P. 269.
- [3] Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. С. 18.
- [4] Свендсен Л. Философия одиночества. М.: Програсс-Традиция, 2017. С. 146.
- [5] Maraz Z. The Happiness Paradox. London: Reaktion Books, 2003. P. 101.

- [6] Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 2000. P. 8.
- [7] Sitrin M. *Horizontalism: Voices of Popular Power in Argentina*. AK Press, 2006. P. 38. https://books.google.ru/books?id=0Iqi0OVPCDAC&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.
- [8] Shalom S., Doherty A. *The Politics of A Good Society* // New Left Project, 31.03.2010. http://www.newleftproject.org/index.php/site/article_comments/the_politics_of_a_good_society.
- [9] Fotopoulos T. *Participatory Economics (Parecon) and Inclusive Democracy*. The International Journal of INCLUSIVE DEMOCRACY, Vol. 1, No. 2, January 2005. <http://inclusivedemocracy.org/journal/pdf%20files/pdf%20vol1/Parecon%20and%20Inclusive%20Democracy.pdf>.
- [10] Chomsky N. Interview by Adrien Wilkins: Noam Chomsky: Beyond State Socialism // YouTube.com, 07.09.2011. <https://www.youtube.com/watch?v=kVNq8knHGew>.
- [11] Schweickart D. *Nonsense on Stilts: Michael Albert's Parecon*. Loyola University Chicago, 16.01.2006. <http://orion.it.luc.edu/~dschwei/parecon.htm>.
- [12] Long R. *Privatization, Viking Style: Model or Misfortune?* // LewRockwell.com, 06.06.2002. <https://www.lewrockwell.com/2002/06/roderick-t-long/the-vikings-were-libertarians>.
- [13] Friedman D. *Private creation*. <http://www.daviddfriedman.com/Academic/Iceland/Iceland.html>.
- [14] Kilpatrick R. *Iceland Has Become the First Country to Officially Require Gender Pay Equality* // Fortune.com, 09.03.2017. <https://www.lewrockwell.com/2002/06/roderick-t-long/the-vikings-were-libertarians>.
- [15] Friedman D. *The Machinery of Freedom: Guide of Radical Capitalism*. CreateSpace Independent Publishing Platform; 3rd edition, 2015. P. 121.
- [16] Solvason B.T.R. *Ordered Anarchy, State, and Rent-Seeking: The Icelandic Commonwealth, 930-1264*. George Mason University, Fairfax, Virginia, 1991. https://notedur.hi.is/~bthru/Ordered_Anarchy_PhD_dissertation.pdf.
- [17] Friedman D. *Private creation and enforcement of law: A historical case*. University of Chicago Law School, 1979. <http://www.daviddfriedman.com/Academic/Iceland/Iceland.html>.
- [18] Diamond J.M. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. W. W. Norton & Company. 1999. P. 310.
- [19] Rentoul J. *Have you heard the one about Jon Gnarr, the comedian who saved Iceland from political and financial catastrophe?* // Independent, 13.09.2014. <http://www.independent.co.uk/news/people/profiles/have-you-heard-the-one-about-jon-gnarr-the-comedian-who-saved-iceland-from-political-and-financial-9730522.html>.
- [20] Zeitchik S. *Icelandic comedian Jón Gnarr's «The Mayor» is like «Veep», only with a real-life politician* // Los Angeles Times, 06.07.2016. <http://www.latimes.com/entertainment/tv/la-et-st-iceland-jon-gnarr-mayor-veep-comedian-political-20160701-snap-story.html>.
- [21] Krugman P. *The Icelandic Post-crisis Miracle* // Krugman.blogs.nytimes.com, 30.06.2010. <http://krugman.blogs.nytimes.com/2010/06/30/the-icelandic-post-crisis-miracle>.

- [22]Seibt C. More punk, less hell! // Tages-Anzeiger, 28.05.2014. <http://www.tagesanzeiger.ch/ausland/europa/More-punk-less-hell/story/10069405>.
- [23]Krugman P. The Least Worst Crisis // Krugman.blogs.nytimes.com, 09.06.2015. http://krugman.blogs.nytimes.com/2015/06/09/the-least-worst-crisis/?_r=0.
- [24]Beilmann M., Lilleoja L. Social trust and value similarity: the relationship between social trust and human values in Europe. *Studies of transition states and societies*, 7 (2015). P. 24. <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-455248>.
- [25]Iceland Demographics Profile. Index Mundi, 2016. http://www.indexmundi.com/iceland/demographics_profile.html.
- [26]Ostrom E. Beyond markets and states: polycentric governance of complex economic systems. Prize Lecture // Nobelprize.org, 08.12.2009. P. 422. https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2009/ostrom_lecture.pdf.

Cooperative governance in metamodern context

D. Khokhlova

St. Petersburg University

The article studies how the cooperative governance model has been developing in the 20-21st centuries. The focus is placed on the models that appeared in the new metamodern epoch.

The difference between metamodernism and antecedent postmodernism is that the former finds balance between authenticity and irony; it accepts post-truth and liminality as genuine and consummated (not transit) sociopolitical and cultural condition. Metamodernism is currently formatting politics, shifting its focus from absolute power to the phenomena of influence and cooperation. The practice of cooperative governance has recently arisen from non-violent protests and social and political experiments, the perfect example of which is Jón Gnarr's election as Reykjavik's Mayor in 2010-2014. The article scrutinizes Icelandic libertarian practices (namely, the Medieval Icelandic Free State and the present-day Best Party rule) as the experiment of cooperative governance, unprecedented in its scale and political level.

As a result, the article elaborates on the conditions, which are essential for cooperative governance to be successfully implemented. The article also enunciates rather questionable feasibility of the concept. Nevertheless, in future the cooperative governance stands its chance to further expansion due to autonomy concept growth, social cooperation trend leading to reframing, transformation and even extinction of state institutions; as well as proliferating feminism and non-violent political practices.

Keywords: metamodernism; cooperative governance; pure democracy; post-anarchism; horizontalidad; parecon; parpolity; partisipism